

Roza Alimpijewa, Swietlana Babulewicz
Bałtycki Uniwersytet Federalny im. I. Kanta
w Kaliningradzie

Аксиологическая значимость авторской модальности в поэтических текстах Сергея Есенина

Как известно, каждая национальная картина мира включает в свою структуру определенную шкалу ценностей, составными компонентами которой являются индивидуальные, частные картины мира, соотнесенные с той или иной творческой личностью. И чем значительнее эта творческая личность, тем более близко она соотносится с картиной мира соответствующего народа. К числу таких личностей относится Сергей Есенин, по праву считающийся национальным русским поэтом. Именно поэтому картина мира, отраженная в его творчестве, своими истоками уходит в национальную картину мира и система ценностей, характеризующая творчество поэта, своими сущностными категориями связана с национальными духовными ценностями.

В плане вышесказанного вполне закономерным представляется обращение к авторской модальности, реализующейся в поэтических текстах С. Есенина, поскольку именно данная категория как „способ преломления авторского восприятия жизни в художественной форме”¹ позволяет в полной мере раскрыть план содержания и план выражения аксиологической парадигмы в произведениях поэта.

Важнейшим компонентом данной парадигмы, ее текстообразующим стержнем является любовь к родине, о чем непосредственно свидетельствуют как широко известное признание самого С. Есенина: „Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины – основное в моем творчестве”², – так и высказывания крупнейших исследователей творчества поэта. Так, например, Ю. Прокушев отмечает:

¹ О.Е. Вихрян, *Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина „Жизнь Арсеньева”*. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1990, с. 6.

² Цит. по: Е. Наумов, *Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха*, Ленинград 1973, с. 339.

„О чем бы ни рассказывал поэт, даже в самые трагические дни своей жизни, светлый образ родины всегда ему был дорог и близок”³.

Свое отношение к родине поэт весьма часто выражает прямыми утверждениями, включающими глагол *любить* и его лексико-морфологические дериваты. Ср.: „Я люблю родину. Я очень люблю родину!” (*Исповедь хулигана*)⁴, „О Русь... Люблю до радости и боли...” (*Запели тесные дороги...*); „Я только тот люблю цветок, Который врос корнями в землю, Его люблю я и приемлю, Как северный наш василек” (*Цветы*); „Край любимый! Сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных” (*Край любимый! Сердцу снятся...*).

Реализация чувства любви к родине осуществляется в текстах лирических произведений С. Есенина и посредством словосочетаний высокой эмоционально-семантической направленности: *родимый дом* („Я покинул родимый дом, Голубую оставил Русь”); *родные поля* („Да! Теперь решено. Без возврата Я покинул родные поля. Уж не будут листвою крылатой Надо мною звенеть тополя”); *милые березовые чащи* („Милые березовые чащи! Ты, земля! И вы, равнин пески!...”) и т.п. При этом значительное количество соответствующих экспликаторов авторской модальности в поэтических текстах С. Есенина составляют цветообозначения, раскрывающие земной многоцветный мир⁵: „О Русь – малиновое поле И синь, упавшая в реку, – Люблю до радости и боли Твою озерную тоску” (*Запели тесные дороги...*); „Стережет голубую Русь Старый клен на одной ноге” (*Я покинул родимый дом...*); „Ты ли Русь, тропой-дорогой Разметала ал наряд?” (*На плетнях висят баранки...*); „Гой ты, Русь, моя родная... Не видать конца и края – Только синь сосет глаза” (*Гой ты, Русь, моя родная...*); „Звени, звени, золотая Русь, Волнуйся, неумный ветер! Блажен, кто радостью отметил Твою пастушескую грусть” (*О верю, верю, счастье есть!*).

Через цветочные прилагательные раскрываются и фрагменты пейзажных образов, составляющие в совокупности есенинское представление о родине: „Вижу сад в голубых накрапах, Тихо август

³ Ю. Прокушев, *Родина и революция в творчестве Есенина*, „Литературная Рязань” 1957, кн. 2, с. 257.

⁴ Здесь и далее цит. по: С. Есенин. *Собр. соч. В 5 т.*, Москва 1961–1962. В круглых скобках указывается название стихотворения, из которого взята цитата.

⁵ См. об этом подробнее: С.Н. Бабулевич, *Цветообозначения как средство реализации концепта „Родина” в художественной картине мира С. Есенина*, Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Калининград 2004.

прилег ко плетню...” (*Эта улица мне знакома...*); „Вот оно, глупое счастье С белыми окнами в сад! По пруду лебедем красным Плавает тихий закат” (*Вот оно, глупое счастье...*); „Далеко сияют розовые степи, Широко синее тихая река” (*Я иду долиной. На затылке кепи...*); „Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда...” (*Низкий дом с голубыми ставнями...*); „Синий май. Заревая теплынь. Не прозвякнет кольцо у калитки...” (*Синий май. Заревая теплынь...*); „Улыбнулись сонные березки... Шелестят зеленые сережки, И горят серебряные росы” (*С добрым утром!*).

При этом следует отметить, что не всегда пейзажи родины, запечатленные в поэтических текстах С. Есенина, выражают оптимистическое настроение лирического героя, среди них много таких, которые вызывают боль и сострадание. Однако репрезентация отрицательных пейзажей родины отнюдь не умаляет любви поэта к ней, что подчеркивается параллельным употреблением в рамках одного контекста оценочных и цветовых слов не только с отрицательной, но и положительной эмоционально-экспрессивной направленностью, например, глагола *любить*, его префиксальных и лексико-морфологических производных, а также притяжательного местоимения *мой*. Ср.: „*Полюбил я седых журавлей С их курлыканьем в тощие дали...*” (*Низкий дом с голубыми ставнями*); „*Ах, поля мои, борозды милые, Хороши вы в печали своей! Я люблю эти хжины хилые С поджиданьем седых матерей*” (*Русь*); „*Уж вечер. Жидкой позолотой Закат обрызгал серые поля*” (*Русь советская*); „*Ещё не высох дождь вчерашний – В траве зелёная вода! Тоскуют брошенные пашни, И вянет, вянет лебеда...*” (*Ещё не высох дождь вчерашний...*); „*О Русь!... люблю до радости и боли Твою озерную тоску*” (*Запели тесаные дроги...*); „*Черная, потом пропахшая выть! Как мне тебя не ласкать, не любить?*” (*Черная, потом пропахшая выть...*); „*Неприглядная дорога, Да любимая навек, По которой ездил много Всякий русский человек*” (*Мелколесье. Степь и дали...*); „*Край ты мой заброшенный, Край ты мой, пустырь, Сенокос некошенный, Лес да монастырь*” (*Край ты мой заброшенный...*).

Неотъемлемым структурно-содержательным элементом аксиологической парадигмы С. Есенина является его любовь к животным, о чем говорит он сам языком поэзии: „*Я очень люблю родину! Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь. Приятны мне свиней испачканные морды И в тишине ночной звенящий голос жаб*” (*Исповедь хулигана*). И это трепетное чувство к „*братьям нашим меньшим*” получает яркую отраженность во многих стихотворениях Есенина. Ср.: „*Я хожу в цилиндре не для женщин – В глупой*

страсти сердце жить не в силе, – В нем удобней, грусть свою уменьшив, *Золото овса давать кобыле...*” (*Я обманывать себя не стану...*); „Каждому здесь кобелю на шею Я *готов отдать* мой лучший галстук” (там же); „Вспоминая запах навоза с родных полей, он [поэт, лирический герой – Р.А., С.Б.] *готов нести* хвост каждой лошади, Как венчального платья шлейф” (*Исповедь хулигана*). Отметим, что в двух последних из вышеприведенных примеров эмоциональная выразительность текста значительно усиливается за счет употребления экспликатора ситуативной модальности – краткого предикативного прилагательного *готов*, выступающего в сочетании с зависимым субъектным инфинитивом и выражающего совмещенное значение возможности /желательности⁶. Поэтому вполне естественно, что С. Есенин испытывает огромную радость по поводу того, что каждый стих его „душу зверя лечит” (*Я обманывать себя не стану...*). вполне естественно и то, что свою любовь к миру животных, свою способность любить этот мир он оценивает как одну из главных составляющих понятия счастья: „Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве И зверье, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове” (*Мы теперь уходим понемногу...*); „Хорошо косою в утренний туман Выводить по долам травяные строчки, Чтобы их читали лошадь и баран” (*Я иду долиной. На затылке кепи...*).

Однако наиболее значимой составляющей аксиологической парадигмы в произведениях С. Есенина являются люди, трепетная любовь к которым проходит яркой линией через все его творчество. С этой точки зрения весьма показательно, что каждый человек осознается поэтом как прекрасный неповторимый цветок, что особенно ярко показано в стихотворении *Цветы*, где мы находим множество текстовых репрезентаций, в которых природа и человек сливаются воедино. Так, например, голова человека представляется поэту в образе золотой розы: „А люди разве не цветы? О милая, почувствуй ты, Здесь не пустынные слова. Как стебель тулово качая, А эта разве голова Тебе не *роза золотая?*... И потому, что я пою, Пою и вовсе не впусую, Я милой голову мою Отдам, как *розу золотую*” (*Цветы*). При этом соответствующее слияние настолько активно и значимо, что уже сами цветы, ассоциируясь с человеком, воспринимаются поэтом как что-то родное, близкое, способное защитить от невзгод окружающего

⁶ См. об этом подробнее: Р.В.Алимпиева, *Роль ситуативной модальности в реализации аксиологической бинарной модели „поэт – родина” в лирике С. Есенина*, [в:] *Модели в современной науке: единство и многообразие*, Сборник научных трудов, Калининград 2010, с. 207–208.

мира: „Цветы мои! не всякий *мог Узнать*, что сердцем я продрог, Не всякий этот холод в нем *Мог растопить* своим огнем” (Там же). Действительно, в содержательной структуре данного текстового отрывка именно цветы выступают как символ, помогающий сохранить в лирическом герое С. Есенина веру в добро и справедливость, способствуют осознанию истины человеческого существования как единой целостной модели: „Вот так же отцветем и мы И отшумим, как гости сада... Коль нет цветов среди зимы, Так и *грустить* о них *не надо*” (*Мне грустно на тебя смотреть...*). В приведенных выше контекстах, как и во многих других, особую эмоциональную заданность обеспечивают экспликативные ситуативной модальности, например: глагол *мочь*, предикатив *надо*, предложно-именное сочетание *не в силах*, способствующие выражению основных моральных установок лирического героя (хочу – могу – должен)⁷.

Однако именно соответствующие глубинные размышления приводят поэта к осознанию недолговечности человеческой жизни, и в этом содержится одно из противоречий восприятия Есениным окружающего мира: с одной стороны, поэт стремится к мировой гармонии: „Жить нужно легче, жить нужно проще. Все принимая, что есть на свете...” (*Свищет ветер, серебряный ветер...*), – но, с другой стороны, как смертный человек земного мира он не может, не находит в себе силы согласиться с соответствующим предопределением. Такая философская раздвоенность вызывает искренние откровения поэта, по сути, перерастающие в духовный протест: „Милые березовые чащи! Ты, земля! И вы, равнин пески! Перед этим сонмом уходящих *Я не в силах скрыть* моей тоски”, „Знаю я, что не цветут там чащи, Не звенит лебяжьей шеей рожь. Оттого пред сонмом уходящих *Я всегда испытываю дрожь*” (*Мы теперь уходим понемногу...*). Эта краткосрочность, по сути, мгновенность, человеческого бытия, вызывает у С. Есенина пронизанное болью чувство безграничной любви к людям. Ср.: „Все успокоились, все там будем, Как в этой жизни радей не радей, – Вот почему так тянусь я к людям, Вот почему так люблю людей” (*Синий туман. Снеговое раздолье...*); „Знаю я, что в той стране не будет Этих нив, златящихся во мгле. Оттого и дороги мне люди, Что живут со мною на земле” (*Мы теперь уходим понемногу...*). И именно это всеобъемлющее

⁷ Об аксиологическом потенциале экспликативных ситуативной модальности как средства выражения авторской модальности см. подробнее: С.С. Ваулина, О.В. Девина, *Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы)*, „Вестник Российского государственного университета им. И. Канта”, Вып. 8: Филологические науки, Калининград 2010, с. 8–11.

чувство любви рождает в душе есенинского лирического героя страстное желание полного слияния с природой: „Край любимый! Сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных Я хотел бы затеряться В зеленях твоих стозвонных” (*Край любимый! Сердцу снятся...*); „Я хотел бы опять в ту местность, Чтоб под шум молодой лебеды Утонуть навсегда в неизвестность И мечтать по-мальчишески – в дым” (*Ты прохладой меня не мучай...*); „Ветры, ветры, о снежные ветры, Заметите мою прошлую жизнь. Я хочу быть отроком светлым Иль цветком с луговой межи” (*Ветры, ветры, о снежные ветры...*); „Помирился я с мыслями слабыми, Хоть бы стать мне кустом у воды...” (*Русь*).

Интересно отметить, что это слияние осуществляется и в другом направлении, когда явления окружающего мира уподобляются миру человека: „Стережет голубую Русь Старый клен на одной ноге” (*Я покинул родимый дом...*), „Зеленокося, В юбчонке белой Стоит береза над прудом...” (*Мой путь*), „Зеленая прическа, Девическая грудь, О тонкая березка, Что загляделась в пруд?” (*Зеленая прическа...*); „Я навек за туманы и росы Полюбил у березки стан, И ее золотистые косы, И холщовый ее сарафан” (*Ты запой мне ту песню, что прежде...*), „Улыбнулись сонные березки, Растрепали шелковые косы...” (*С добрым утром!*). Поэтому не случайно, что именно березы оплакивают предполагаемую смерть есенинского лирического героя, а значит, самого поэта: „Снежная равнина, белая луна, Саваном покрыта наша сторона. И березы в белом плачут по лесам. Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?” (*Снежная равнина, белая луна...*).

Все вышесказанное означает, что любовь поэта к родине как основная аксиологическая категория авторской картины мира, по сути, приобретает в его творчестве онтологический характер, то есть определенную заданность свыше. А это значит, что поэт не может не любить свою родину, даже если бы он страстно захотел испытать соответствующее состояние. Действительно, любовь к Родине определяет сущность самого поэта: не будет этого чувства, не будет и поэта Сергея Есенина. Причем, осмысливая его, поэт осознает его как чувство не индивидуальное, а коллективное, что находит воплощение в одном из стихотворных посвящений любимой сестре Шуре (*В этом мире я только прохожий...*): „Потому и навеки не скрою, Что любить не отдельно, не врозь – Нам одною любовью с тобою Эту родину привелось” [предназначено свыше, судьбой – Р.А., С.Б.]; Ср. также следующее есенинское откровение: „Как бы я и хотел не любить, Все равно не могу научиться, И под этим дешевеньким ситцем Ты мила мне, родимая выть” (*Низкий дом с голубыми ставнями*).

В контексте вышеприведенных рассуждений излишним представляется и вопрос-раздумье лирического героя: „Но люблю тебя Родина кроткая, а за что – разгадать не могу...” (*Русь*). Действительно, лирический герой Есенина, являясь сыном своей Родины, любит ее не за что-то, а за то, что она (Родина) есть, что она предопределена ему свыше (как, например, было предопределено свыше чувство Татьяны Лариной к Евгению Онегину: „То в высшем суждено совете, То воля неба...”). При этом необходимо отметить и следующее: поэт никогда не согласится, пока жив, лишиться любви к своей родине, как бы трудна и тяжела она ни была: „И не отдам я эти цепи, И не расстанусь с долгим сном, Когда звенят родные степи Молитвословным ковылем” (*Запели тесаные дроги...*). При этом важно отметить, что эта любовь-предопределение неразрывно связана с верой поэта в свою родину, в ее будущее: „Холодной скорби не измерить, Ты на туманном берегу. Но не любить тебя, не верить – Я научиться не могу”, т.е. любить родину – значит, верить в нее, верить в ее будущее. Поэтому в самые страшные моменты русской истории, когда, по убеждению поэта, осуществляется жестокая схватка с „дьявольской силой”, наступающей на Русь, он все-таки, зная прошлое родины, продолжает верить в ее неминуемую победу над злом: „Жилист мускул у дьявольской выи, И легка ей чугунная гать. Ну, да что же? Ведь нам не впервые И расшатываться и пропадать” (*Мир таинственный, мир мой древний...*). А это значит, что в данном контексте реализуется убеждение поэта в том, что и на этот раз Россия должна выстоять. Данная позиция значительно усиливается отношением С. Есенина к людям, живущим с ним рядом в одной стране, которые гнутся, но не сгибаются, которых „не подмять, не рассеять” (как отмечает поэт в одном из стихотворений цикла *Москва кабацкая*) и которые в трудные минуты жизни вновь получают силы (будто бы свыше) для борьбы за будущее своей родины.

Таким образом, в этом пророческом определении судьбы бесконечно любимой Родины заключается суть аксиологической программы С. Есенина, передающейся всем строем его поэтической системы, среди структурно-содержательных компонентов которой ключевое место занимает авторская модальность.

Streszczenie

Aksjologiczne znaczenie modalności autorskiej w tekstach poetyckich Sergiusza Jesienina

W artykule ustala się znaczenie tekstowe modalności autorskiej w utworach poetyckich Sergiusza Jesienina jako sposób wyrażania paradygmatu aksjologicznego poety, którego najważniejszym składnikiem tekstotwórczym jest miłość do ojczyzny; określa się płaszczyznę wyrażenia i płaszczyznę treści danej kategorii aksjologicznej; rozważa się specyfikę rozumienia ojczyzny i analizuje się jej najbardziej częstotliwe wykładniki w tekstach lirycznych poety, wśród których występują oznaczenia kolorów i eksplikatory modalności sytuacyjnej.

Summary

Axiological value of the author modality in S. Esenin's poetic texts

The article states the text value of the author modality in S. Esenin's poetic texts as a means of expression of S. Esenin's axiological paradigm, the most important text-forming component of which is love to motherland; determines the plane of content and the plane of expression of the given axiological category; reveals the specifics of Esenin's awareness of the motherland and analyzes the most frequent means of its realization in the poet's lyric texts, including colour-nominators and explicators of situational modality.

Key words: author modality, text-forming function, axiological categories, artistic picture of the world, colour-nominators, explicators of situational modality.